

ПРЕДИСЛОВИЕ

Помехи, чинимые изобретателям

Если вы заявите, что изобрели средство, позволяющее сразу учетверить продукцию промышленности, побудить всех господ добровольно освободить негров и рабов, безотлагательно просветить всех варваров и дикарей (которыми философия никогда не занималась), внезапно установить единство речи, мер, монет, типографских знаков и т. д., то умники непременно скажут, что это какое-то шарлатанство.

Автор должен был предвидеть, что гигантские обещания породят в читателе недоверие, и он не стал бы навлекать на себя подозрение в фиглярстве, не опираясь он на более чем достаточные доказательства. Шарлатаны от науки остерегаются колебать установившиеся мнения. Они прибегают к хитрым, вкрадчивым приемам. Они избегают публично объявлять неправдоподобные вещи. Но тот, кто обнародывает действительные открытия, был бы только шарлатаном, если бы никому не перечил. Он не вносил бы ничего нового: Колумб, Галилей, Коперник, Ньютон, Гарвей, Линней были вынуждены вести лобовую атаку против своего века, опровергать наиболее укоренившиеся мнения.

Между тем, академические учреждения противодействуют опровержению аккредитованных наук. Чтобы втереться в ряды привилегированных софистов, как правило, надо воскурять фимиами. Роль изобретателя совершенно иная: он не претендует на академическое кресло и не обязан придерживаться академического тона; он не может восхвалять предрассудки, которые он только что рассеял. Требовать, чтобы изобретатель не удалялся от унаследованных им идей, равносильно требованию, чтобы естествоиспытатель, вернувшись из исследовательской экспедиции, не представил бы ни единого нового растения. Те, кто привез нам из Америки хинную корку, табак, картофель, какао, ваниль, индиго, вигонь кошениль, не лучше ли они послужили нам, чем если бы они привезли только известные уже виды растений?

Один новейший писатель правильно сказал: «грех провозглашения новых истин прощают последним» (Тома, Похвальное слово о Декарте).

Такова моя вина: я открыл много новых и чрезвычайно полезных наук. Драгоценнейшие новшества были отвергнуты по их оглашению: картофель и кофе были запрещены постановлениями парламента; оспенная сыворотка, паровая машина тоже были вначале опорочены. Какой-то врожденный дух противоречия побуждает цивилизованного противодействовать открытиям и ругать тех, кто их делает. Самолюбие различных классов находит себе пищу в этом вандализме; философы склонны глушить изобретения, подрывающие престиж их систем; зеваки считают остроумным высмеивать, как и в век Колумба, теорию, прежде чем она проверена; в силу этого все слои населения готовы отвергнуть изобретения и даже новшества, наполовину признанные. Севинье рукоплескала, когда она сказала: «Кофе надоест людям так же, как и трагедии Расина».

Чтобы обосновать недоверие к изобретателям и преследования, которым они подвергаются, говорят, что между ними много шарлатанов. Но это — вина ученого мира, который не установил никакого испытательного жюри и организовался так, чтобы благоприятствовать интриге. Укажите шарлатана, который был бы отвергнут, укажите изобретателя, которого приняли бы благосклонно. В свое оправдание академии перекладывают вину на малопросвещенные века; а наш век, слышущий просвещенным, — не отверг ли он Фультона и Лебона, изобретателей парохода и газового освещения? В послесловии читатель найдет главу, где французские ученые выдают себя с головой: они пытаются снять с себя обвинение в вандализме; для виду они его осуждают, а в действительности практикуют в отношении людей беззащитных, чья теория задевает чье-либо самолюбие.

Но об этом дальше. Более важно пояснить читателю предмет, которым мы его займем, лестницу обществ, которые выше цивилизации и механизм которых, наконец, открыт. Человечество в своем социальном движении должно пройти 36 периодов; я даю здесь таблицу первых периодов; этого достаточно для настоящей книги.

Шкала первого возраста социального мира. (Относительно трех других

возрастов см. гл. LIV.)

Периоды, предшествовавшие промышленности	}	1. Первобытный, так называемый райский. С. 2.
		2. Дикость, или инертность. С. 3.
Промышленность раздробленная, лживая и отталкивающая	}	3. Патриархат, мелкая промышленность.
		4. Варварство, средняя промышленность.

Промышленность общественная, истинная и притягательная

}	5. Цивилизация, крупная промышленность.
	6. Гарантизм, полуассоциация.
	7. Социантизм, простая ассоциация. С. 4.
	8. Гармонизм, сложная ассоциация. С. 5.

Примечание. Буквы С указывают эпохи минувших и грядущих творений, речь о которых будет в гл. LIV.

Я не упоминаю периода 9-го и последующих потому, что мы теперь можем подняться только к периоду 8-му, который уже бесконечно счастливее четырех существующих обществ. Он распространится внезапно и самопроизвольно на весь человеческий род, под влиянием лишь материальных благ, утех и в особенности промышленного притяжения — механизма, совершенно неизвестного нашим политикам и моралистам. В этом механизме все более и более чувствуется потребность, так как без него не удастся побудить к земледельческому труду ни негров Сан-Доминго, невзирая на приманки, некоторое раскрепощение, авансирование материальных средств; ни негров Бразилии, невзирая на опыты одного колонизатора, столь же справедливого, сколь и великодушного; ни дикарей Америки, невзирая на попытки секты Оуэна, которая похвалялась открытиями в области новой общественной и притягательной промышленности и потерпела полную неудачу. Ни одна орда, ни один негровладелец не хотели принять систему Оуэна, резко противоречащую природе и столь мало выгодную, что эта секта не смеет и заикнуться о прибылях: они, значит, весьма посредственны! Истинно же общественный метод, притягательный и естественный, дал бы с первого же года учетверенную продукцию. Насколько секта Оуэна далека от этого результата, а также от промышленного притяжения!

Чтобы создать это притяжение, нужно было открыть метод, именуемый сериями, построенными на страстях, и изложенный в настоящем произведении. Он устанавливается постепенно в периодах 6, 7, 8-м предшествующей таблицы. Период 6-й создает только полупритяжение и не мог бы еще соблазнить дикарей; период 7-й начал бы их увлекать, период 8-й соблазнит, кроме того, праздных богачей. Благодаря изобретению серий, основанных на страстях, являющихся механизмом 8-го периода, можно будет миновать периоды 6 и 7-й.

Познание лестницы социальных судеб рассеет наши предвзятые представления о счастье. Об этом предмете мы имеем столь смутное понятие, что философия нам уступает около 30 ложных прав человека, право верховной власти и другие, в которых нет никакой надобности, и в то же время отказывает нам в 7 естественных правах: 1) охоте; 2) рыбной ловле; 3) сборе плодов; 4) пастыбе; 5) внутреннем союзе; 6) беззаботности; 7) внешней краже.

Только в 8-м периоде можно получить полностью эти свободы или предпочитаемые им равноценные блага. Социальный мир перейдет к этому 8-му периоду, минуя 6 и 7-й, открытие и прохождение которых потребовали бы еще многих веков вследствие влияния обскурантизма — этой старой интеллектуальной язвы, которую создала ученая древность; она рисовала нам природу, задернутую непроницаемой завесой. Послушаем, что говорит об этом Цицерон: «Latent ista omnia, crassis occultata et circumfusa tenebris, ita nulla acies humani ingenii tanta sit, quae in coelum penetrare, in terram intrare possit».

Вот та непроницаемая завеса, которая мерещилась ученой древности. Новейшие писатели впадают в другое преувеличение, похваляясь потоками света, а меж тем они порождают только нищету, обман, угнетение и порочный круг.

Некоторые скромные ученые (Монтескье, Вольтер и другие, упоминаемые ниже) хотели распространить более разумные взгляды, провозгласить, что социальная политика еще не вышла из пеленок, что разум блуждает в лабиринте. Так думали многие знаменитые люди от Сократа и Аристотеля до Монтэня; они говорили: «Я знаю лишь то, что я ничего не знаю». Этим умеренным взглядам суждено было потерпеть крушение; крайности взяли верх, в особенности среди философов, горделивых, как Крепильон, который думал, что после него не найти уже сюжета для трагедии. Таким образом, политики, метафизики, моралисты, экономисты думали или делали вид, что думают, что человеку не изобрести общества более возвышенного, чем цивилизация и варварство, предел их узких концепций. Они по горло сидят в химерах совершенствуемой цивилизации (отвергаемых в VI и VII разделах); они увлекаются жадным бюджетом в 400 тыс. франков в Париже. В послесловии я доказываю, что в новом социальном строе каждый из них получит от своего труда свыше 400 тыс. франков дохода.

Пусть же перестанут бить тревогу по поводу открытия новых судеб общества. Но страх не рассуждает: ослепленные корпорации не отступают, в массе их не обратить в новую веру. Не важно. Достаточно разубедить хотя бы незначительное меньшинство, привлечь его приманкой огромной славы и огромного богатства, обеспеченных любому выдающемуся писателю, который осмелится первым разоблачить химеры, именуемые политикой, морализмом, экономизмом, — подлинную катаракту, которая слепит человеческий разум: эти науки в конечном счете только удалили народы от путей социального прогресса. В этом произведении читатель увидит, что маленький опыт естественной или общественной организации с участием 1 800 человек сделает посмешищем общества цивили-

лизованное и варварское; он докажет, что они не являются конечным назначением человека.

Тогда придет конец нашим бесполезным ученым спорам о счастье, о мудрости, о добродетели, о человеколюбии; будет доказано, что истинное счастье состоит в пользовании большим богатством и бесконечно разнообразными удовольствиями. Эту истину наши философы отрицали, потому что их наука никому не может дать этого рода счастья, ни даже сибаритам и монархам. Цезарь, взойдя на трон мира, находит там только пустоту и восклицает: «неужели это все!». Мадам де Мэнтенон говорит: «Неужели вы не видите, что я умираю от тоски среди богатства, которое трудно себе вообразить, и что только помощь бога мне мешает рухнуть в изнеможении». (Видно, очень слаба эта помощь, если она умирает от тоски!) Она добавляет: «Зачем не могу я показать вам, какая тоска снедает вельмож и как трудно им заполнить свой день! Люди всех состояний испытывают ужасную пустоту, тревогу, усталость и желание познать что-нибудь другое». То же в других выражениях сказал Гораций: *Post equitem sedet atra cura*.

Напрасно парижские сибариты похваляются своим талантом *прожигать жизнь*; путем сопоставления с наслаждениями общественной гармонии (период 8-й предшествующей таблицы) я докажу, что их жизнь весьма пошла и скучна и что при новом общественном строе человек, на долю которого выпадет минимальная доза богатства и удачи, будет все же счастливее парижских сибаритов, потому что он сможет отдалиться своим двенадцати страстям, комбинированное развитие которых — единственный залог полноценного счастья.

Философы убеждают цивилизованные народы, что они быстро идут к совершенству, в то время как их гнетут все новые и новые невзгоды, из которых 24 описаны в главе XLVIII; в числе прочих — бич государственной задолженности, непрерывно возрастающей; при первой же войне между западными народами она приведет ко всеобщему банкротству, а затем и к революциям.

Есть и много других неопознанных язв: таковы прстивозаконные захваты торговли, которая грозит все заполнить, что начинает, наконец, тревожить правительства; только новая общественная (*sociétaire*) теория дает в руки средство свалить этого политического Титана (см. VI раздел).

Порок наших так называемых преобразователей заключается в том, что они обличают отдельные злоупотребления, вместо того чтобы критиковать цивилизацию в целом, этот порочный круг злоупотреблений, гнездящихся во всех ее частях; надо выбраться из этой пучины бедствий. Я указываю 32 выхода.

За три тысячелетия философия не сумела изобрести никакого нового установления производственно-политического и общественного характера; в основе ее многочисленных си-

стем — распределение по семьям, а семья есть союз самый маленький и самый разорительный. Какое бесплодие мысли!

И вот, наконец, являются новые идеи, — теория, которая приспособляется к видам правительства вместо того, чтобы их дразнить филантропическими мечтаниями, которыми лишь маскируют свой подлинный лик смутьяны. Всякий министр благосклонно примет метод, который, учетверив действительный доход, позволит сразу удвоить налоги, в то же время облегчив наполовину бремя налогоплательщиков. (Они будут платить только вдвое с учетверенного дохода.)

Еще более блестящие результаты получатся, если произвести такое изменение во всем мире — диком, варварском и цивилизованном: преобразовать все на основе опыта, произведенного на ограниченной площади в 16 квадратных километров с участием 1 800 человек. Какой контраст с философией, которая разрушает царства без гарантии положительных результатов и присоединения к ее системам варваров и дикарей!

Бедная цивилизация делает гигантские усилия из-за пустяков: посылка сухопутных армий и военных флотов для освобождения (и то сомнительного) десятой части Греции; революции и убийства ради опытов освобождения негров; бесплодные попытки помощи бедным. Все эти труды пигмеев должны прекратиться: человеческий род весь целиком будет освобожден и получит помощь; он всюду перейдет к притягательной промышленности, как только познает на опыте одного кантона, какое обилие богатств, удовольствий и добродетелей она сулит.

Здесь наступит конец химерам и неистовствам партийного духа: видя истинный удел человека — механизм страстей, каждый настолько устыдится безрассудств цивилизации, что постарается их забыть как можно скорее.

Вынужденный разоблачить здесь порочные профессии, торговлю и тому подобное, я порицаю не тех, кто от них получает выгоду: вина лежит на политике цивилизации, которая толкает народы к пороку, не открывая им иных путей достижения богатства, кроме практики обмана.

Придется часто повторять сказанное, чтобы рассеять некоторые предрассудки, иллюзии «стремления к совершенствованию» в этой цивилизации, где зло делает десять шагов вперед, когда добро делает только один шаг»; стремления к богатству посредством раздробленной промышленности, скудный продукт которой, будучи в 4 раза меньше продукта новой общественной промышленности, призачен еще вследствие пагубного отсутствия предела росту народонаселения; и, наконец, иллюзорно установление добрых нравов до избречения притягательной промышленности, единого залогом добрых нравов и справедливого распределения.

В Париже пытаются уничтожить нищенство, это — попытка с негодными средствами: комитет не знает, что надо действовать в деревне прежде, чем в городе; произвести реформу в сельском хозяйстве, на фабриках, в торговле и в домашнем быту. Для этого не требуется изысканий: уже найдены реальные средства для искоренения и для предупреждения этой язвы путем перехода к фазам 2, 3 и 4-й нижеприводимой таблицы.

Сколько писателей ищут нового сюжета: вот наиболее благодарный из всех когда-либо представлявшихся. Я едва могу разработать двадцатую часть — поле обширно для сотрудничества. Я начну с введения, где отвергну наши мнимые социальные совершенства; в них нет и тени мудрости; это — мир, поставленный на голову в политике и промышленности, с их сумасшедшей претензией «слепых, которые ведут слепых» (Евангелие).